

ЖАН-БАТИСТ
ЛУВЕ ДЕ КУВРЕ

ЛЮБОВНЫЕ
ПОХОЖДЕНИЯ
КАВАЛЕРА ФОБЛАЗА

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Л82

Луве де Кувре, Ж.Б.

Л82 Любовные похождения кавалера Фоблаза / Ж.Б. Луве де Кувре. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 588 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72900-0

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

BIC FC
BISAC FIC000000

R $\frac{220}{199}$

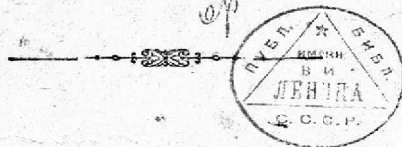
ЛЮБОВНЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ КАВАЛЕРА ФОВЛАЗА

Сочиненіе Луве де-Куера.

8/12

Съ портретомъ автора, иллюстраціями на отдельныхъ
листахъ и предисловіемъ.

сп-28-47-67

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. О. Печникова, Воздвиженск. 26.

1905.

Луве де-Кувре.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Кавалеръ Фоблазъ, тронутый безнравственностью своей эпохи, немало сумасбродный, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжный и вполне искренно-влюбленный, принадлежитъ къ числу героевъ французской литературы, подвергавшихся самымъ несправедливымъ клеветамъ.

Общественное мнѣніе, которому свѣтила критики съ Жюлемъ Жаненомъ во главѣ придали извѣстное направленіе, видѣло въ героѣ Луве только воплощеніе пороковъ и развращающей слабости XVIII вѣка.

Но, можетъ быть, читатели спросятъ, что же въ такомъ случаѣ Фоблазъ?

Фоблазъ просто-на-просто беззаботный юноша, одѣтый въ костюмъ XVIII вѣка, стремящійся впередъ съ улыбающимися губами, жаждущими поцѣлуевъ; это полуребенокъ, конечно, легкомысленный и измѣнчивый, но настолько любящій, что самый слабый голосъ его сердца тушитъ въ немъ пламенные чувственные прихоти. Тотъ, кто въ этомъ юномъ существѣ, неспособномъ разсчитывать и обдумывать, всецѣло отдающемся любовницамъ, которыя не могутъ отъ него оторваться, въ этомъ ласковомъ ребенкѣ, превращающемся во взрослого мужчину путемъ раскаянія, увидитъ только сборище растлѣвающихъ пороковъ XVIII вѣка, отбѣнить слишкомъ мрачными красками его граціозный обликъ.

Какъ бы то ни было, очаровательное, тонкое и занимательное произведеніе Луве, на которое смотрѣли, только какъ на предлогъ для изображенія множества эротическихъ картинъ и безнравственныхъ сценъ, сначала предавалось анаемѣ, а потомъ было совершенно забыто въ XIX вѣкѣ; вдобавокъ ко всему, оно стояло между торжествующимъ натурализмомъ и романтизмомъ. Между тѣмъ, «Любовныя похищенія кавалера Фоблаза» — наиболѣе любопытный образчикъ легкой литературы конца XVIII вѣка. За обликомъ легкомысленнаго и чувствительнаго юноши развитой критическій взглядъ современнаго читателя сумѣетъ разсмотрѣть очень ясную склонность автора выводить заключенія гораздо болѣе нравственныя, чѣмъ предполагалось до сихъ поръ.

Никто изъ писателей больше, чѣмъ Луве, не описывалъ въ своихъ сочиненіяхъ самого себя и никогда никто больше, чѣмъ онъ, не поднимался надъ идеями своего времени; это видно и при изученіи его произведеній, хотя бы самыхъ смѣлыхъ, и при разсмотрѣніи его политической карьеры.

Человѣкъ, постоянно читавшій Вольтера и Руссо, преклонявшійся передъ г-жей Роланъ, любовникъ, обожавшій свою почти героическую

подругу, которую онъ въ своихъ мемуарахъ называетъ Лодоиской, т. е. именемъ единственной безупречной героини «Любовныхъ похищеній кавалера Фоблаза», словомъ, Лувэ, бывшій вполне сыномъ XVIII вѣка, не принадлежалъ ни къ числу скептиковъ, ни къ числу пресыщенныхъ или закоренѣлыхъ развратниковъ.

Онъ отъ природы былъ мягкосердеченъ, вѣренъ, мужественъ, чувствителенъ и постояненъ; въ XVII вѣкѣ его качества создали бы изъ него типъ вполне честнаго человѣка; во всѣ другія эпохи, когда истинная добродѣтель не подвергалась систематическому гоненію, онъ могъ бы вполне заслуженно пріобрѣсти прекрасную репутацію.

Все дурное навѣяно на него его временемъ, а не его натурой, стоявшей выше своей эпохи. Лувэ романтистъ, Лувэ революціонеръ, Лувэ рассказчикъ любовныхъ приключеній или гонимый жирондистъ, всегда чистосердеченъ; онъ питаетъ великодушныя иллюзіи, остается вѣренъ культу героизма, порождаемаго любовью къ человѣчеству, и, не сомнѣваясь, утверждаетъ, что истинная дружба и истинная раздѣленная страсть готовы приносить неумолимыя жертвы. Лувэ, членъ Конвента, вотируя смерть Людовика XVI и прося отсрочки, чистосердечно надѣется, что урокъ, данный королевской власти, не будетъ стоить королю жизни; Лувэ выступаетъ противъ всемогущаго и злопамятнаго Робеспьера, не какъ подкупной оскорбитель, а какъ возмущенный патріотъ. И въ обоихъ случаяхъ онъ остается самимъ собою: человѣкомъ гуманнымъ въ своихъ принципахъ, энергическимъ въ своихъ дѣйствіяхъ, увлекающимся въ своихъ порывахъ!

Онъ поступаетъ подъ вліяніемъ вполне искреннихъ движеній сердца, осылая чувствомъ счастья свою незаконную связь съ Лодоиской и тѣмъ подтверждая честность своихъ намѣреній, постоянство своихъ чувствъ и уваженіе къ закону.

Въ политикѣ, въ любви, также какъ и въ литературѣ, Лувэ является не только членомъ общества, но и вполне непосредственнымъ существомъ; и эта непосредственность господствуетъ въ немъ надъ цивилизованной стороной его природы, руководитъ ею и удерживаетъ романтиста на той наклонной плоскости, которую направление XVIII вѣка дѣлало такой скользкой и опасной даже для людей съ самыми лучшими намѣреніями. Для того, чтобы мы могли вѣрнѣе оцѣнить жизнь и произведеніе Лувэ, нужно принять во вниманіе обстоятельства или, точнѣе, ту эпоху, въ которую онъ жилъ и писалъ; дитя XVIII вѣка, Лувэ легко поддавался чувственнымъ порывамъ, выказывалъ легкомысліе, впадалъ въ бѣшенныя гнѣвъ, доходилъ до прискорбныхъ крайностей, характерныхъ для промежутка времени между 1760 и 1797 годами (т. е. между годомъ его рожденія и годомъ его смерти). Но въ немъ жило также плодотворное восхищеніе идеаломъ, рождались новыя и великодушныя идеи; онъ проявлялъ восхитительную деликатность ума и сердца, что вмѣстѣ съ истинной любовью, придавшей прелесть и благородство его слишкомъ короткому существованію, наполненному романтическими приключеніями, оградило его отъ нравственной порчи, которую онъ умѣлъ такъ хорошо рисовать и, въ случаѣ нужды, клеить.

Вслѣдствіе несчастій, постигшихъ, несомнѣнно, дворянскую семью Лувэ де-Куврэ, онъ провелъ дѣтство въ бумажной лавкѣ, которую его родители держали на углу улицы Писателей, дѣтство грустное, благодаря тому, что его отецъ гораздо меньше любилъ его, чѣмъ своего старшаго сына.

Возмужавъ, молодой человекъ очутился въ обществѣ стараго строя, какъ разъ въ то время, когда оно, болѣе блестящее, болѣе легкомысленное, чѣмъ прежде, особенно сильно увлекалось удовольствіями чувственными и умственными, наслаждаясь послѣдними днями своей жизни.

Это были странные дни общественнаго упадка во Франціи, дни, полные нездоровой и опьянительной прелести послѣднихъ чрезмѣрно пламенныхъ вспышекъ жизни, дни лихорадочнаго возбужденія передъ судорогой, которой было суждено разбить аристократію, улыбающуюся насмѣшливой улыбкой Вольтера, сладострастной улыбкой Дюбарри, проницательной и остроумно-дерзкой усмѣшкой Ривароля! Подъ этой улыбкой въ обществѣ чувствовалось разочарованіе, навѣянное порокомъ, слегка прикрытымъ напыщеннымъ стремленіемъ къ идеальной страсти, придуманной Руссо.

Въ это время вліяніе философскаго періода (въ его зловредномъ значеніи) было закончено; дѣло же революціоннаго періода, съ его общезвѣстными плодами, только-что зарождалось.

Французское общество занималось остроумной салонной болтовней, легкомысленными шутками, сентиментальной перепиской, но его развлеченіямъ было суждено вскорѣ прерваться криками толпы, волновавшейся кругомъ эшафотовъ, смѣниться ссылками и тюремными заключеніями. Многочисленнымъ связямъ, порожденнымъ капризомъ и прихотью, предстояло уступить мѣсто благороднымъ привязанностямъ, вызваннымъ несчастіемъ и горемъ! Цѣлый нарядный, блестящій міръ, жившій посреди шутокъ, болтовни, философскихъ разсужденій и облаковъ дорогой пудры, вертѣлся на высокихъ красныхъ каблукахъ на краю ужасной пропасти...

Вотъ въ какой средѣ расцвѣла молодость Луве, вотъ гдѣ проснулось его любопытство, его страстные побужденія, его мечты о литературныхъ успѣхахъ.

Въ 1787 году, когда онъ напечаталъ первую часть своего «Фоблаза», законченнаго лишь въ 1789 году, ему было менѣе двадцати восьми лѣтъ.

На семнадцатомъ году Луве поступилъ секретаремъ къ г-ну Дитриху, извѣстному минералогу. Знаменитый романъ не былъ первымъ произведеніемъ сына бумаготорговца. Громкое торжество выдвинуло на свѣтъ имя Луве, когда онъ, редактировавшій мемуары Дитриха (напечатанные въ академическомъ сборникѣ), принялъ на себя защиту интересовъ одной кандидатки на премію Монтіона.

Эту премію, только-что учрежденную, должны были присудить въ первый разъ, и къ юному секретарю Дитриха обратились съ предложеніемъ защитить кандидатуру одной бѣдной служанки, которая добровольно поддерживала своихъ господъ, впавшихъ въ ужасающую нищету.

Въ то время было обыкновеніемъ разбирать права конкурентовъ на премію въ публичныхъ листахъ. И вотъ Луве своимъ ловкимъ перомъ, которое впоследствии такъ ярко описывало будаурныя приключенія, разсказалъ въ прочувствованныхъ строкахъ исторію простаго, честнаго и преданнаго сердца. Его кліентку избрали и привѣтствовали громкими криками. Своимъ успѣхомъ она была вполне обязана краснорѣчію, съ которымъ Луве обрисовалъ ея заслуги. Случайность, иногда создающая странныя противопоставленія, пожелала, чтобы имя автора «Любовныхъ похжденій Фоблаза» было связано съ воспоминаніемъ о первой наградѣ, выданной за добродѣтель!

Слѣдуетъ ли думать, что въ то время самъ Лувѣ имѣлъ право на премию, которую онъ такъ милосердно заставилъ дать другой?

Если бы въ насъ зародилась подобная наивная иллюзія, его тѣнь усмѣхнулась бы тонкой усмѣшкой, появляясь въ сумракѣ проплаго.

Напротивъ, все заставляетъ предполагать, что въ это время пылкій молодой человѣкъ, разлученный съ предметомъ своей первой и послѣдней любви и знавшій, что его Лодоиска вышла замужъ, старался заглушить печаль, размѣнивая на мелкую монету сокровище любви, которое онъ, несмотря ни на что, хранилъ въ сердцѣ.

Кавалеръ Фоблазъ не служилъ, какъ долго предполагалось, портретомъ аббата Шуази, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ одѣвался въ женское платье и, кромѣ своихъ историческихъ трудовъ, оставилъ послѣ себя воспоминаніе о крайне скандальномъ существованіи. Теперь уже никто не сомнѣвается, что Фоблазъ—Лувѣ, нарисованный имъ же самимъ, семнадцатилѣтній Лувѣ, граціозный и очаровательный, съ тонкой стройной таліей, способствовавшей его переодѣваніямъ въ женскіе наряды, которые онъ носилъ съ такимъ изяществомъ, что ему могли бы позавидовать Доримена и Седализа; Фоблазъ—это Лувѣ, юноша съ бѣлокурыми волосами, съ синими глазами, полными то нѣги, то веселья, съ взглядомъ то робкимъ, то ласкающимъ, какъ взглядъ ребенка, то смѣлымъ и гордымъ, какъ взглядъ взрослого рыцаря, и загорѣвшимся благороднымъ гнѣвомъ, когда этотъ любитель уличныхъ похожденій, измѣнившійся и сдѣлавшійся членомъ Конвента, возсталъ краснорѣчивый и неустрашимый, чтобы бросить Робеспьеру обвиненіе.

Именно потому, что Фоблазъ не кто иной, какъ Лувѣ, въ книгѣ, сначала полной безнравственныхъ картинъ, чувствуются нравственныя заключенія, о которыхъ мы уже упоминали.

«Вывести мораль изъ любовныхъ похожденій кавалера Фоблаза! Недурныя вещи предлагаете вы намъ», можетъ быть, скажетъ критика, если она когда-нибудь снизойдетъ до того, чтобы оспаривать наши оправданія. Скажите пожалуйста, гдѣ могла укрыться эта мораль?

Можетъ быть, въ будуарѣ, бывшемъ ареной искусной капитуляціи маркизы Б.? Или въ складкахъ шарфа маленькой де-Мезанжъ? Или въ шаловливомъ личиѣ Жюстины? Или въ томъ знаменитомъ гротѣ, въ которомъ г-жа де-Линьоль угадывала и разыгрывала вмѣстѣ съ Фоблазомъ болѣе чѣмъ пикантныя шарады, заставившія автора привести ихъ по-итальянски? Или, можетъ быть, эта мораль на губахъ Софи, принявшей въ приемной монастыря первый поцѣлуй Фоблаза? Да и нѣтъ.

Нѣтъ, если читатели захотятъ видѣть въ книгѣ только ея чувственные стороны. Да, если они пожелаютъ углубиться въ добрыя намѣренія автора, не слишкомъ долго останавливаясь на подробностяхъ картинъ.

Дѣйствительно, что логически вытекаетъ изъ положенія Фоблаза? Мы видимъ наказанный развратъ, нездоровую страсть, очищающуюся путемъ страданій и раскаянія; бракъ по любви, изображенный не въ видѣ рая, готоваго исчезнуть, а въ видѣ вѣрнаго пути, ведущаго къ возвращенному раю.

Гораздо позже Лувѣ романтики идеализировали незаконныя открытыя связи, а теперь натурализмъ, низводя любовь до степени исключительно животнаго отправления, грубо необходимаго, извиняетъ его низкое утоленіе; между тѣмъ, авторъ Фоблаза, современникъ эпохи гораздо болѣе свободныхъ нравовъ, чѣмъ наша, сумѣлъ явиться моралистомъ по своимъ намѣреніямъ и выразителемъ самыхъ утонченныхъ

чувствъ. Уваженіе Лувѣ къ себѣ и къ другимъ останавливаетъ его на точкѣ, отдѣляющей легкомысліе отъ грязи, и его нога не скользитъ, ступая по краю рва, въ глубинѣ котораго поросята Эпикура съ наслажденіемъ копаются въ грязи.

Лувѣ, по происхожденію дворянинъ, по воспитанію буржуа, нисколько не походилъ на литературную богему, которая жаждетъ рекламы и денегъ. Понятно, и онъ не былъ лишень честолюбія; онъ мечталъ пріобрѣсти политическое и литературное значеніе; онъ нуждался и, можетъ быть, чрезмѣрно удлинилъ свою книгу, такъ какъ она давала ему кусокъ хлѣба, но онъ никогда не ухаживалъ за толпой, никогда, желая посредствомъ ея достигнуть выгоднаго торжества, не поддаивался подъ ея вкусы и не говорилъ ея языкомъ. Лувѣ не боялся обращать эпиграммы къ своимъ читателямъ, состоявшимъ, главнымъ образомъ, изъ непостоянныхъ дамъ и развращенныхъ знатныхъ людей. Въ случаѣ нужды, онъ, не стѣнясь, примѣшивалъ къ картинамъ порока порицаніе, котораго заслуживали всевозможныя излишества общества.

Пресыщеннымъ людямъ, искавшимъ только сильныхъ и новыхъ ощущенийъ, людямъ, зараженнымъ гангреной скептицизма, онъ показалъ, какъ отвратительно отсутствіе любви въ наслажденіи. Онъ извиняетъ похождения Фоблаза только потому, что къ нимъ примѣшивается любовь, иногда безсознательно.

Очарованіе «Фоблаза», очарованіе, дѣлающее его возможнымъ для чтенія, заключается именно въ томъ, что, несмотря на беспорядочныя нравы кавалера, онъ лишень характерной черты развратниковъ, а именно погони за ощущеніемъ безъ любви.

Сердце легко воспламеняшагося Фоблаза постоянно переполнено любовью. Итакъ, наивный любовникъ маркизы Б., счастливый обладатель хорошенькой де-Линьоль, нѣжный супругъ застѣнчивой Софи—существо очарованное и опьяненное, а не испорченное.

И это до того вѣрно, что альковъ Корали, нечистой жрицы наслажденія, не долго удерживаетъ его; напротивъ, онъ бѣжитъ, онъ летитъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ влюбленнаго и къ прелестной г-жѣ де-Б., любящей его до того сильно, что она готова за него умереть, и къ живой и трогательной графинѣ де-Линьоль, обожающей его съ такою силой, что, покинутая имъ, она бросается въ воду, и къ нѣжной Софи, съ которой онъ, наконецъ, соединяется прочными узами Гименея. Даже когда онъ, между прочимъ, обнимаетъ Жюстину, пикантную субретку г-жи Б., онъ это дѣлаетъ скорѣе изъ состраданія, нежели изъ безнравственности. Не замѣтилъ ли кавалеръ ревнивой слезы въ глазахъ молодой дѣвушки въ то время, какъ онъ, не обращая на нее вниманія, покрывалъ страстными поцѣлуями руки маркизы?

Жюстина плачетъ потому, что она ревнуетъ, и ревнуетъ потому, что любить. Что же можетъ сдѣлать Фоблазъ? Конечно, онъ осушаетъ глаза, не только красивые, но и нѣжные, и въ необдуманномъ порывѣ успокоиваетъ лихорадку, невольно зажженную имъ же самимъ.

Если у Фоблаза нѣтъ совѣсти, какъ у его вѣка, онъ грѣшитъ, какъ великодушная и легкомысленная юность. Несмотря на его легкомысліе, на его чувственныя увлеченія, несмотря на его заблужденія, въ немъ видны достоинства благороднаго человѣка и, какъ бы это ни показалось странно, въ нашемъ искателѣ любовныхъ приключеній кроются задатки истиннаго главы семьи.

Посреди своихъ заблужденій Фоблазъ остается вѣренъ мечтѣ о се-

мейномъ счастіи. Софі, невѣста, выбранная имъ, не перестаетъ занимать его, хотя темпераментъ и заставляетъ его увлекаться. Онъ ждетъ супругу, еще почти дѣтски-наивную, со скромнымъ взглядомъ и краснѣющимъ трепетнымъ лицомъ, и она остается для него высшимъ воплощеніемъ долгаго, вѣрнаго счастья.

Безъ сомнѣнія, Фоблазъ очень поздно дѣлается достоинъ наслаждаться чистой и честной радостью, къ которой онъ стремился, но которую отдалялъ своими безуміями, главное же, самымъ большимъ изъ нихъ, то есть стремленіемъ обладать слишкомъ довѣрчивой Софі до свадьбы.

Однако, Фоблазъ, способный носить въ себѣ идеалъ, то есть мечту о законномъ и почтенномъ союзѣ, если и грѣшитъ своими поступками противъ извѣстныхъ социальныхъ законовъ, все же всегда уважаетъ ихъ, тогда какъ теперь они попираются жалкими и неблагородными поклонниками проститутокъ, любимыхъ героемъ столькихъ современныхъ романовъ.

Луве, который въ своей книгѣ не оскорбляетъ ни женщины, ни брака, ни любви, не отрицаетъ также и интересовъ семьи; онъ даетъ и ей роль въ одиссеѣ будуаровъ, составляющей въ то же время прекрасную картину нравовъ, и когда онъ показываетъ, что семья не исполнила своего долга, нравственное чувство человѣка уравниваетъ смѣлость романиста.

Напримѣръ, сцена между Фоблазомъ и его отцомъ, неожиданно встрѣтившимися у Кораи, — мастерское произведеніе моралиста, напавшаго на счастливую идею: принужденный краснѣть передъ сыномъ, заставшимъ его въ мѣстѣ разврата, баронъ Фоблазъ, благодаря своему же легкомыслію лишенный отцовскаго авторитета, чувствуетъ безграничную грусть; неудовольствіе, жажда порочныхъ наслажденій смѣняются въ немъ печалью. Онъ, опомнившись, клеймитъ въ присутствіи кавалера развратное существованіе, допускающее подобныя встрѣчи! Съ какой силой онъ рисуетъ опасности подобной жизни, ея непривлекательныя стороны, ея позоръ!

Устами барона Фоблаза говорить уже не знатный кутила, надменный и скептический, дерзкій и развращенный: передъ нами глава семьи, печальный, униженный, кающійся отецъ, ставшій истиннымъ отцомъ посреди позора, который онъ въ первый разъ сознаетъ въ присутствіи своего сына.

Конечно, не Луве сталъ бы обоготворять куртизанку. По его мнѣнію, истинная женщина та, которую можно въ одинаковой степени любить и уважать.

Итакъ, онъ далъ своей дорогой подругѣ имя единственной добродѣтельной героини романа. Впрочемъ, говоря «единственной», мы ошибаемся, потому что въ книгѣ есть еще милая и добродѣтельная сестра слишкомъ пылкаго кавалера, очаровательный обликъ честной молодой дѣвушки, который граціозно и цѣломудренно рисуется на безнравственномъ фонѣ эпохи. Рядомъ съ этими двумя женщинами отецъ Софі, безпощадный защитникъ своей дочери, оскорбленной Фоблазомъ, дополняетъ картину семьи, двойная миссія которой заключается въ томъ, чтобы утѣшать и направлять.

Итакъ, мы не будемъ защищать это произведеніе противъ обвиненій въ безнравственности; вся чувственная его сторона набросана легкими штрихами, въ силу которыхъ оно можетъ заслуживать самаго